

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Суббота 16 февраля 1946 года, 11 ч. утра Черч Хауз, Вестминстер, Лондон

Председатель: Г-н Н. Дж. О. МЕЙКИН (Австралия)

Присутствуют представители следующих стран: Австралии, Бразилии, Египта, Китая, Мексики, Нидерландов, Польши, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик и Франции.

84. Предварительная повестка дня

1. Утверждение повестки дня.
2. Письмо глав ливанской и сирийской делегаций от 4 февраля 1946 г. на имя Генерального Секретаря (документ S/5)¹²⁶.
3. Доклад председателя Комитета экспертов об изменениях, внесенных Комитетом во временные правила процедуры Совета Безопасности (документ S/6)¹²⁷.

85. Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

86. Обсуждение письма глав ливанской и сирийской делегаций (продолжение)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Я попрошу представителей Ливана и Сирии занять места за столом Совета Безопасности.

Представители Сирии и Ливана занимают места за столом Совета.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Второй пункт повестки дня — письмо глав ливанской и сирийской делегаций на имя Генерального Секретаря.

Г-н ПАДИЛЬЯ-НЕРВО (Мексика) *(говорит по-английски)*: Заслушав заявления, сделанные представителями Сирии и Ливана, и объяснения представителей Франции и Соединенного Королевства, я хочу прежде всего изложить общее отношение моего правительства к затронутому в этом деле принципу.

Мы ни в каком случае не можем одобрить присутствия иностранных войск на территории суверенного государства без свободно и определенно выраженного согласия на то законного правительства этого государства.

Что касается существа ныне разбираемого нами дела, то я хотел бы заявить, что, по моему мнению, требование, предъявленное представителями Сирии и Ливана, о выводе одновременно как французских, так и британских войск с территории этих стран в ближайший возможный срок вполне обосновано и вполне отвечает их правам согласно Уставу Организации Объединенных Наций.

Британские и французские войска находятся на территории этих государств не в силу поло-

жений какого-либо договора, а, как выразился представитель Соединенного Королевства, в виде наследия прошлой войны. В настоящее время этих причин для присутствия войск в Сирии и в Ливане больше не существует и поэтому эти войска должны быть уведены.

Англо-французское соглашение было заключено тогда, когда Организация Объединенных Наций еще не существовала и Совет Безопасности не был еще учрежден. Теперь же положение иное: ответственность за мировую безопасность лежит исключительно на Организации Объединенных Наций и является конкретной задачей Совета Безопасности. Поэтому англо-французское соглашение не может быть основанием для присутствия иностранных войск в Сирии и Ливане.

С момента учреждения Совета Безопасности и Военно-штабного комитета иностранные войска не должны были находиться на территории государства, не являющегося неприятельским, вопреки согласию этого государства, кроме как по решению Совета Безопасности, принятому в согласии с мнением Военно-штабного комитета и согласно положениям главы VII Устава Организации Объединенных Наций.

Возможно, что между обязанностями Великобритании и Франции по их соглашению и их обязанностями по Уставу может быть найдено некоторое противоречие. Но в этом случае несомненно имеют верх их обязанности, вытекающие из положений Устава Организации Объединенных Наций. Это ясно указано в статье 103.

По моему мнению, Совет Безопасности должен вынести решение о том, что

1) требование сирийского и ливанского правительств об одновременном выводе британских и французских войск в возможно краткий срок вполне обосновано;

2) срок эвакуации этих войск должен быть установлен путем переговоров между сторонами в этом деле, причем таковые переговоры будут касаться исключительно военно-технических мер, необходимых для планосообразной эвакуации этих войск;

3) стороны должны сообщить Совету Безопасности о выполнении вышесказанного.

Я вношу это предложение на рассмотрение Совета Безопасности.

Г-н ФРАНЖИ (Ливан) *(говорит по-французски)*: Прежде чем Совет Безопасности примет какое-либо решение, я хочу выразить членам Совета мою благодарность, как и благодарность моего сирийского коллеги, за проявленный ими интерес к делу двух малых государств. То обстоятельство, что два маленьких государства могли через содействие Совета Безопасности получить то, чего они требовали, исключительно потому, что имеют на это право, является несомненно историческим событием.

Мы хотим лишь очень просто и почтительно указать, что переговоры, или скорее попытки пе-

¹²⁶ См. Официальные отчеты Совета Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, приложение 9.

¹²⁷ Там же, Дополнение № 2, приложение 1.

переговоров, которые имели место, не достигли результатов по той причине, что условия этих переговоров не были вполне ясны.

Мне кажется, что есть одно положение, с которым все согласны, которого нельзя оспаривать, — это то, что эвакуация французских и британских войск с территорий Сирии и Ливана не должна быть обставлена никакими условиями. Судя по мнениям, выраженным на заседаниях Совета Безопасности, мне кажется, что все члены Совета с этим первым положением как будто согласны.

Тем не менее представитель Нидерландов внес предложение, согласно которому эвакуация должна быть произведена как можно скорее. Я позволю себе упрекнуть его в том, что он недостаточно уточнил способ, при помощи которых эта эвакуация должна быть произведена. Представитель Нидерландов говорит, что войска должны быть уведены в скором времени, и просит нас, по примеру представителя Франции, чтобы мы оказали Франции доверие. Но дело тут не в доверии.

Дело заключается просто в принятии достаточно ясного решения, которое могло бы быть легко исполнено, не вызывая дальнейших споров и конфликтов. Вопрос в том, чтобы зафиксировать в этом решении Совета некоторые принципы и средства проведения их в жизнь. Мне кажется, что в наших интересах, да и в интересах Франции, действовать с открытыми глазами, т. е. с полным сознанием того, что мы делаем.

Положительное решение, которого мы просим, вытекает из самих дебатов Совета. Помимо представителей Великобритании и Франции, все члены Совета Безопасности высказали свои мнения, все, с большей или меньшей точностью, выразили одну и ту же мысль. Мне кажется, что можно свести к нескольким пунктам выраженные на вчерашнем послеполуденном заседании мнения.

Все члены Совета Безопасности считают нужным подтвердить принципиальную необходимость эвакуации. Мне кажется, что все согласны также с тем, что условия, установленные соглашением от 13 декабря 1945 г. для этой эвакуации, наносят ущерб суверенитету обоих государств, состоящих членами Организации Объединенных Наций, и противоречат положениям Устава.

Вчера представитель Китая, указав на необходимость эвакуации, вследствие исчезновения причин, вызывавших присутствие иностранных войск на территориях Сирии и Ливана, сказал следующее: «Надо лишь принять ряд практических мер для вывода войск, включая установление сроков начала и окончания этой эвакуации».

Раз это так, и коль скоро это отвечает заявлениям представителей Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Египта, Австралии, Бразилии, Польши и Мексики, то о чем же должны вестись переговоры? Об эвакуации в принципе? Но ведь этот принцип никто не оспаривает. Даже сама французская делегация его не оспаривает. Тогда, может быть, о необходимости быстрой эвакуации? И эту необходимость никто не оспаривал.

Может быть, наконец, об условиях, содержащихся в соглашении от 13 декабря 1945 года? Все члены Совета более или менее определенно признали, что условия договора, поскольку они

касаются Сирии и Ливана, недействительны. Единственный вопрос, который мог бы быть предметом бесед или переговоров между сторонами — это вопрос о назначении срока для практического проведения эвакуации.

Нам казалось, что назначение этого срока могло бы быть с успехом выработано техническим комитетом, который вы имеете в вашем распоряжении. Но если Совет Безопасности желает, чтобы переговоры о назначении срока и о практических деталях эвакуации велись между сторонами, то мы охотно подчинимся этому желанию.

Но если таково было мнение большинства членов Совета Безопасности, то мы позволяем себе снова настаивать на том, чтобы Совет держался в курсе хода и завершения переговоров и был осведомлен о действительном проведении эвакуации и о полном ее окончании.

Ни заявления представителя Франции, ни предложение представителя Нидерландов, как я только что сказал, не представляются в этом отношении удовлетворительными. Вот почему мы позволяем себе настаивать на выработке определенных основ для будущих переговоров, если Совет Безопасности желает, чтобы таковые имели место.

Г-н эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*): Я не хочу повторять ничего того, что было здесь сказано вчера и сегодня моим другом, представителем Ливана. Я также хочу выразить мою искреннюю благодарность членам Совета Безопасности за проявленный ими интерес к нашему делу. Я благодарен всем представителям за их блестящие и ясные речи, после которых излишне приводить дальнейшие доводы в пользу нашего дела.

Я хочу только остановиться на одном пункте, ибо все выступавшие предлагали разрешить проблему путем переговоров. Раз это так, то мне хотелось бы кое-что об этих переговорах выяснить.

Прежде всего, представитель Франции упомянул о затруднениях, которые надо устранить, не дав точного определения этих затруднений. Говорилось также и о каких-то формальностях. В чем же заключаются эти формальности?

Совет Безопасности извинит мою настойчивость в этом отношении, ибо примеры прошлого заставляют нас желать полного выяснения всех принципов и основ этих переговоров.

Вчера представитель Советского Союза задал представителю Франции ясный вопрос, настаивает ли Франция и сейчас еще на своих условиях и требованиях, изложенных в ноте от 18 мая 1945 года и приведших к печальным событиям в Сирии и Ливане, или, напротив, эти условия и требования не являются более основанием для предполагаемых переговоров или предметом последних? Представитель Франции в своем ответе совершенно не коснулся этого вопроса, который остается неопределенным и неясным.

Если эти переговоры, как это уже сказал мой друг, представитель Ливана, касаются самого принципа эвакуации, то ведь этот принцип уже всеми признан. Если речь идет о способе проведения эвакуации, то в чем же заключаются те связанные с осуществлением эвакуации затруднения, которые требуют переговоров? Из опыта, который мы имели в прошлом с разными странами и государствами, я могу лишь заключить,

что никаких переговоров об эвакуации никогда не велось.

Стороны в англо-французском соглашении, Соединенное Королевство и Франция, высказали свою точку зрения в самом соглашении. Они указали, что эвакуация войск из Сирии произойдет таким образом, что она будет закончена одновременно британскими и французскими войсками. Они заключили это соглашение между собой и решили эвакуировать свои войска из Сирии, не посоветовавшись с сирийцами, не переговоривши с нами. Им не надо было спрашивать нашего согласия, так как мы сами просили их об этом. Это относится и к будущим соглашениям и к будущим эвакуациям. Ливанцы в таком же точно положении, как и мы.

Я здесь торжественно объявляю от имени моего правительства, что мы не будем поднимать возражений против эвакуации. Мы не будем ставить никаких условий относительно формальностей. Мы ничего не будем говорить. Пусть они производят эвакуацию, не спрашивая нас, не ведя с нами никаких переговоров, ибо для нас не может быть и речи о том, чтобы восставать против принципа, применения которого мы сами энергично добиваемся.

Мало того, позвольте мне почтительно спросить представителей Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и Франции, вели ли они переговоры об эвакуации своих войск из одной страны в другую? В Англии имеются американские войска, и мы видим из газет, что они время от времени эвакуируются, уезжают. Я спрашиваю вышеозначенных представителей, вели ли они между собой переговоры, чтобы разрешить формальности, разрешить затруднения этой эвакуации? Они это делали, не спрашивая друг друга. Они это делают и сейчас.

Г-н БЕВИН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Нам пришлось вести переговоры относительно жен американских солдат.

Г-н эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*): Я обращаюсь к представителю Франции. Во Франции имеются американские и британские войска и их эвакуируют. Каково бы было положение французского правительства, если бы военные власти Соединенных Штатов ему заявили: «Давайте вести переговоры. Мы не уйдем, если у нас не будет переговоров и соглашения между сторонами». Приняло ли бы это французское правительство?

Мне известно, что из всех стран производится эвакуация без всяких переговоров. Для эвакуации не нужны переговоры. Пусть так же действуют англичане и французы, а мы готовы оказать им всякое содействие, если они у нас чего-нибудь попросят.

Представитель Соединенного Королевства вчера заявил, что присутствие британских войск в Сирии имеет целью противодействовать трениям между французскими войсками и сирийским населением, и он также заявил, что французы не уйдут, если не уйдут британцы. Каждый боится, как бы его не заменил другой; один другого стережет. Это напоминает случай с красным фонарем, который был водружен посреди улицы. Кто-то спросил: «Для чего здесь водружен фонарь?» Ответ: «Чтобы прохожие не спотыкались о камни». — «А для чего же здесь эти

камни?» — «Для того, чтобы поддерживать фонарь».

Так и у нас. Вчера представитель Советского Союза сказал: удалите причину, и вопрос будет разрешен. Вопрос не вызывает затруднений. Наше дело настолько просто и ясно, что если о нем будут теперь вестись переговоры, то они его осложнят, с тем чтобы затем его опять выяснить.

Поэтому я заявляю, что мое правительство, сирийское правительство, не согласно вести переговоры. Не потому, что оно не хотело бы иметь честь совещаться с такими великими державами как Соединенное Королевство и Франция, а потому, что нет никакой необходимости в переговорах и оно боится, что переговоры только осложнят положение. Было бы вполне достаточно, если бы Совет Безопасности, к которому обратились стороны, рекомендовал, чтобы была произведена эвакуация в определенный срок и чтобы этот вопрос оставался на повестке Совета, пока эвакуация не будет закончена.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Мне кажется, что представитель Египта желает предложить резолюцию.

Г-н РИАЗ (Египет) (*говорит по-французски*): Я позволю себе предложить резолюцию, которая принимает во внимание все мнения, высказанные на предыдущих заседаниях. Вам будет роздана копия этой резолюции, но я должен предупредить членов Совета, что к ней следует добавить одну фразу. Впрочем, эта фраза не затрагивает сущности вопроса, я ее укажу, когда до нее дойду. Вот текст этой резолюции:

После заслушания заявлений представителей Ливана, Сирии, Франции и Соединенного Королевства и после обмена мнений по вопросу, внесенному в Совет,

(Эту фразу относительно обмена мнений я позволяю себе прибавить, так как резолюция содержит мнения и других представителей).

Совет Безопасности,

считая, что присутствие на территории Ливана и Сирии британских и французских войск несовместимо с провозглашенным в Уставе принципом суверенного равенства всех членом Организации,

веря, что этот принцип, неизбежность которого полностью признается всеми заинтересованными сторонами, должен быть применен в полной мере путем немедленного и одновременного увода всех британских и французских войск, продолжающих находиться на территории указанных государств,

рекомендует правительствам Великобритании и Франции, с одной стороны, и правительствам Ливана и Сирии, с другой, возможно скорее вступить в переговоры исключительно с целью выработки технических деталей означенного увода войск, включая установление даты, в которой этот увод должен быть завершен, и предлагает сторонам уведомить Совет о результатах этих переговоров.

Г-н БИДО (Франция) (*говорит по-французски*): Мне только что напомнили о том, что мне были поставлены некоторые вопросы. Вот на них ответ, который весьма прост и ясен, по поводу меморандума от 18 мая 1945 г. и относительно других вопросов.

В меморандуме, о котором вчера упоминалось, поднимался вопрос о специальных интересах Франции в Сирии и Ливане. Очевидно, что раз на Францию была возложена особая ответственность прежней международной организацией, то в результате этой ответственности у нее появились и особые интересы. Это совершенно понятно. Но в чем заключаются эти интересы?

Прежде всего, существовали так называемые специальные войска, по поводу которых мне ставились вопросы. Это были войска, набранные на месте, с младшим офицерским составом из ливанцев и сирийцев, но под высшим французским командованием. Мне был поставлен этот вопрос, но я предполагаю, что правительствам Сирии и Ливана известно, что эти войсковые части с тех пор были им возвращены. Ответ на этот вопрос, следовательно, известен.

Мне советовали — и, признаюсь, я с этим советом вполне согласен — выступить в защиту тех важных культурных интересов, которые Франция имеет в Сирии и Ливане, и красноречивым свидетельством которых является тот факт, что письмо, излагающее жалобу сирийской и ливанской делегаций, в подлиннике написано на французском языке. Мне советовали защитить эти культурные интересы культурными же способами. И с этим я вполне согласен, потому что я уже давно понял, что духовная сторона жизни поддается лишь духовному влиянию. Поэтому мне хотелось бы, чтобы это духовное влияние не подавлялось и чтобы против наших французских школ в Сирии не принималось, как это теперь делается, дискриминационных мер в отношении их статуса, который не соответствует статусу местных школ в стране.

Есть также интересы экономические. Вопрос о них был поднят, но по-моему напрасно, так как этой проблемы больше не существует. Большинство служб и учреждений этого рода уже нами оттуда переведено, а что касается того, что осталось, то, насколько мне известно, никаких важных вопросов в настоящее время между нами и Сирией с Ливаном не существует.

Наконец, имеются еще интересы стратегического характера, которых частично и касалось франко-британское соглашение от 13 декабря 1945 г. Вопрос о стратегических интересах был разрешен обращением к коллективной безопасности. Если то, что я уже говорил по этому поводу и что мне казалось совершенно ясным, было первоначально не вполне понято всеми, то я хочу вернуться к некоторым совершенно простым положениям, чтобы не отнимать у Совета Безопасности слишком много времени.

Во-первых, мы не имеем дело с государством, которое было прежде независимым и членом Лиги Наций. Старой международной организацией был вручен Франции мандат, т. е. возложены на нее некоторые обязательства. Когда, в самом разгаре войны, Франция решила пойти дальше буквы, дальше формального юридического толкования этих обязательств и объявила независимость Сирии и Ливана, со всеми вытекающими из этого последствиями, фактическими и юридическими, то совершенно ясно, что мы очутились перед пустотой и что сразу, в разгаре военных действий, не было обращено внимания на вопрос о том, чем заменить предшествовавший внутренний режим в этих странах. Чтобы заполнить эту пустоту было заключено 13 декабря 1945 г. со-

глашение, предусматривавшее установление системы коллективной безопасности.

Статья 43 Устава, на которую ссылался вчера представитель Египта, в моей оценке отнюдь не содержит, ни по праву, ни по здравому смыслу, осуждения имевшегося в виду пункта соглашения от 13 декабря 1945 г., ибо вот, что я читаю в пункте 2 статьи 43 Устава:

«Такое соглашение или соглашения» (т. е. те, которые имелось в виду заключить с целью предоставления вооруженных сил для нужд Совета Безопасности) «определяют численность и род войск, степень их готовности и их общее расположение и характер предоставляемых средств обслуживания и помощи».

Мы действовали, таким образом, в полном соответствии со статьей 43 в тех мерах, которые предполагали принять.

Более того, представитель Сирии только что нам сказал, что в связи с эвакуацией нет необходимости вести какие-либо переговоры. Я еще вернусь к этому вопросу. Когда речь идет о расположении войск, оказавшихся на известной территории вследствие военных событий, и тем более о возложении ответственности в этом вопросе на орган Объединенных Наций, то мне кажется, что никаких предварительных переговоров действительно не требуется.

Но я желаю еще раз повторить то, что я сказал, для полного рассеяния всякого сомнения. Что я сказал и что я повторяю, — это, что пункт соглашения, указывающий на ограничение перегруппировки войск решением Совета Безопасности, не должен истолковываться как указание на сохранение этих войск на неопределенный срок, при отсутствии такового решения Совета Безопасности. Я не вижу, каким образом повторное еще раз заявление о суверенности Совета Безопасности в этом вопросе может истолковываться как попытка ограничить прерогативы Совета или как нарушение Устава Организации Объединенных Наций.

Был поставлен также и вопрос о том, что же произошло после заключения этого соглашения. Представитель Египта изволил вчера совершенно правильно заметить, что этот договор уже приводится в исполнение и что значительные контингенты войск уже эвакуированы из Сирии.

Только что представитель Сирии говорил о торжественных обещаниях. Со своей стороны, я хочу заявить Совету Безопасности, что дело идет о чрезвычайно серьезном решении, и уверить Совет, что Франция всей душой надеется, что никогда, ни при каких обстоятельствах, ей не придется убедиться в том, что она была права, когда предвидела необходимость прибегнуть к коллективной безопасности на этой части нашей планеты.

Весь вопрос, следовательно, заключается в следующем: мы приняли — и это сказано в соглашении от 13 декабря — сущность всего того, чего требовали и те и другие, т. е. эвакуацию по соглашению с местными правительствами.

Теперь я слышу, что переговоров не хотят. Я хочу этот вопрос выяснить. Либо имеется налицо спор, и тогда статья 33 Устава обязует нас вступить в переговоры, чтобы этот спор разрешить. Либо, если переговоров нет, а налицо отказ от переговоров, — то следовательно счи-

тается, что никакого спора нет. Итак положение ясное. Спора по существу вопроса нет.

Из всего того, что происходило вокруг этого стола за последние несколько часов, я выношу впечатление, что, хотя спора по существу дела не существует, стараются помимо получения удовлетворения по основному вопросу еще и добиться чего-то похожего на выражение порицания Франции.

Я должен весьма просто и ясно заявить, принимая во внимание все то, что моя страна сделала в период мандата и в предшествующий мандату период, сделала ценой крови своих детей и значительных финансовых жертв не для собственных выгод, а по исключительным побуждениям человечности, в этих столь близких ее сердцу территориях, — Франция ни в каком случае не согласна принять какое бы то ни было порицание.

Г-н РИАЗ (Египет) (*говорит по-французски*): Представитель Франции высказал точку зрения, совершенно противоположную тому, что я вчера заявил в моем разборе статьи 43 Устава Организации Объединенных Наций. Если я его понял правильно, г-н Бидо говорит, что пункт 2 этой статьи в сущности является основой декабрьского соглашения в той его части, которая касается присутствия и перегруппировки англо-французских войск для поддержания коллективной безопасности в этих территориях. Я прошу представителя Франции поправить меня, если я ошибаюсь.

Напоминаю, что пункт 2 статьи 43 гласит:

«Такое соглашение или соглашения определяют численность и род войск, степень их готовности и их общее расположение и характер предоставляемых средств обслуживания и помощи».

Но, по-моему, в этом пункте говорится о войсках данной страны, а не о войсках другого государства. В этом вся разница.

В самом деле, о чем говорится в первом пункте? В нем говорится — и я думаю, что английский текст соответствует французскому, — следующее:

«Все члены Организации, для того чтобы внести свой вклад в дело поддержания международного мира и безопасности, обязуются предоставлять в распоряжение Совета Безопасности по его требованию и в соответствии с особым соглашением, или соглашениями, необходимые для поддержания международного мира и безопасности вооруженные силы, помощь и соответствующие средства обслуживания, включая право прохода».

Таким образом имеется в виду именно территория и вооруженные силы того государства, на территории которого эти силы находятся, а не иностранного государства. Следовательно, когда пункт 2 говорит о вышеуказанных договорах или договорах, отсылая нас таким образом к договорам, указанным в пункте 1, то имеются в виду опять-таки именно национальные войска, а не иностранные.

Поэтому всякое соглашение, говорящее об усилении коллективной безопасности путем использования иностранных войск, противоречит статье 43, и не может считаться основанным на этой статье.

Г-н БЕВИН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я не намерен долго останавливаться на этом вопросе. Я считаю, что британское правительство ясно определило свою позицию: оно желает, чтобы его войска были выведены.

Я не могу забыть того, что весь этот вопрос имеет за собой историческое прошлое, и со времени занятия мною поста министра мне пришлось иметь дело со многими историческими событиями, происшедшими во время и после войны и осложнившими ситуацию. Но после выборов мое правительство решило немедленно принять меры к ликвидации этого порядка вещей.

В настоящей дискуссии всякое сомнение относительно неизменности спорного положения как будто рассеяно заявлением французского правительства об отказе от постоянных прав. Все согласны с тем, что этот вопрос может быть разрешен путем переговоров.

Я позволю себе сказать в отношении Франции, что будучи хорошими друзьями сирийского и ливанского народов и стараясь сделать все то, что они хотят, мы в то же время хорошие друзья и французского народа, оправляющегося после свалившейся на них ужасной катастрофы.

В этом случае британский народ никогда не забудет не только того, что случилось во время последней войны, но и той высокой цены, которую Франция заплатила за безопасность мира в войну 1914-1918 годов, и я позволю себе заметить, что если у Франции не оказалось достаточной силы и воли, чтобы оказать сопротивление врагу в последнюю войну, то по моему глубокому убеждению это было главным образом из-за страшного кровопролития в войну 1914-1918 годов, так как промежуток времени между двумя войнами был слишком короток для восстановления сил народа, заплатившего такую цену. Поэтому британское правительство чувствует себя обязанным с полным пониманием подходить к проблемам, в которых затронуты интересы Франции, стараясь в то же время делать все возможное для других своих друзей, таких же близких, с которыми ему пришлось работать и с которыми оно желает продолжать дружественные отношения.

Я очень сожалею, что не мог присутствовать на вчерашнем заседании. Я присутствовал на заседании в четверг, но к сожалению заседание было посвящено вопросам процедурным, а вчера я весь день был занят государственными делами, но от моих коллег я знаю суть дискуссии. Я совещался с членами моего правительства; они готовы принять сущность предложения, внесенного г-ном ван-Клеффенсом.

Я думаю, что было бы недурно, если бы Совет Безопасности после всего того, что мы испытали, выразил кому-нибудь доверие. Если случится так, что доверие будет выражено Великобритании и Франции, мы ответим тем же и разойдемся преисполненные чувством доверия ко всем, иначе говоря, ко всем государствам, участвовавшим в Ассамблее.

Мне нравится, пожалуй, эта формулировка, не потому, что дело касается моего правительства, а потому, что мы фактически не являемся стороной в споре о выводе войск; я хочу этим сказать, что мы готовы сами уйти. Я поэтому стараюсь проникнуться духом Совета. Я полагал, что после вчерашних заявлений мы действитель-

но достигли такого положения, когда вопрос мог бы быть решен четырьмя правительствами, тем более что мы обязаны довести до сведения Совета обо всех наших решениях и до тех пор вопрос останется на повестке дня, если мы не справимся надлежащим образом с нашей задачей.

Я не хотел бы слишком привязываться, если позволено мне будет употребить это несколько вульгарное выражение, так как вероятно выяснится, что многие затруднения во всем мире исчезнут, когда еще один год пройдет после окончания войны. Я, по крайней мере, на это надеюсь.

Мы еще слишком близки к событиям войны, и в моей памяти живы воспоминания об огромных задачах, которые на нас лежали по окончании последней войны, т. е. первой мировой войны, для ликвидации существовавших тогда неимоверных трудностей. Я позволю себе сказать, что работа трех великих держав и совещания министров иностранных дел продолжают, несмотря на некоторые незначительные разногласия, ликвидировать последствия еще более ужасной войны, охватившей значительно большее количество стран, чем в первую войну, причем процесс этой работы идет более ускоренным темпом, чем тогда, и я прошу дать нам немного времени.

Поэтому дух предложения г-на ван-Клеффенса, больше чем окончательный текст и, по моему, несколько укоряющий тон другой резолюции, отвечает отношению британского правительства — совместно с остальными тремя правительствами найти окончательное решение этого вопроса.

Из вчерашнего выступления г-на Бидо я усмотрел, что нет никакого спора относительно признания суверенных прав Сирии и Ливана. Это признано. Поэтому, если на это можно сослаться, при полной осведомленности о мнениях, выраженных участниками настоящего заседания и отражающих их чувства, британское правительство, поскольку это его касается, будет при решении вопроса считаться с высказанными за этим столом мнениями. Мы будем иметь это в виду и будем работать в надежде на то, что настоящий вопрос, как и другие вопросы, оставшиеся после войны, может быть разрешен в благоприятном международном и, так сказать, товарищеском духе — избыточное выражение, но по крайней мере социалистического происхождения.

Г-н ФРАНЖИ (Ливан) (*говорит по-французски*): Я только хочу внести поправку к заявлениям, сделанным представителем Франции. То, что нас разделяет, это не спор и не экономический вопрос.

Нота от 18 мая 1945 г., о которой упомянул г-н Бидо, исключительно касалась стратегических вопросов. Этот меморандум у меня перед глазами, и я вам прочту из него следующую фразу:

«Что же касается стратегических позиций, то они будут состоять из баз, позволяющих обеспечить коммуникационные линии между Францией и ее заморскими владениями».

Последствия вам известны: майский инцидент, окончившийся лишь после вмешательства английских войск.

Г-н Бидо сказал, что Франция не может отказать от своей ответственности за безопас-

ность, каковая ответственность была возложена на нее мандатом Лиги Наций. Я право не ожидал, что представитель Франции упомянет об этом мандате перед Советом Безопасности. Я не ожидал, что попытается опереться на этот мандат через несколько месяцев после подписания Устава Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско. Для нас этот мандат умер и погребен после подписания Устава. Мы не признаем ни за кем права черпать из него доводы, а тем более стараться получить привилегии, основываясь на этом мандате.

Остается вопрос безопасности. Есть одно выражение, которое я не могу обойти молчанием: г-н Бидо сказал, что он не мог вывести войска и оставить за собой пустоту. Но ведь наши две страны не «пустота»; они представляют собой два организованных государства, желающих непосредственно содействовать коллективной безопасности на своей собственной территории. Я не хочу создавать у представителей, здесь присутствующих, ложного представления, что мы ищем случая упрекнуть Францию. Мы желаем только иметь точные указания, ибо главной причиной наших прежних затруднений была именно неясность наших отношений, тех требований, которые нам адресовались, и тех основ, на которых нам предлагали вести переговоры.

Я согласен, чтобы хвалили дух, которым проникнуто предложение г-на ван-Клеффенса, но, при всем моем к нему уважении, я не могу принять его условий, из опасения, что в будущем они могут явиться источником новых конфликтов.

Как сказал г-н Бевин, я согласен, чтобы было оказано доверие; но я не желаю, чтобы это было сделано с риском поставить Совет Безопасности перед новыми затруднениями.

Г-н ван-Клеффенс, как и все члены Совета Безопасности, согласен с целью; но мы просим, чтобы были точно указаны средства ее достижения. Если бы нам был предложен выбор, то мы поддержали бы не предложение г-на ван-Клеффенса, а предложение представителя Египта, которое более ясно. А если бы по каким-нибудь причинам это предложение не было принято, то мы присоединились бы к предложению представителя Мексики.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Должен довести до сведения Совета, что еще по крайней мере три представителя желают высказаться, и поэтому мне хотелось бы знать, желает ли Совет продолжать это обсуждение или предпочитает прервать его и собраться опять позже сегодня.

Если Совет желает заслушать остальных ораторов, я предоставляю им слово.

Г-н эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*): Я позволю себе остановиться на некоторых местах сегодняшней речи представителя Франции г-н Бидо. Г-н Бидо произнес слово «поричание». В обращенной к Совету Безопасности просьбе об урегулировании нашего вопроса я не вижу никакого поричания. В настоящем вопросе мы никоим образом Францию не поричаем.

Г-н Бидо говорил также о некоторых ситуациях, которые Франция хочет урегулировать. Рассматриваемый Советом в настоящее время

вопрос не имеет отношения к этим ситуациям. Переговоры о других вопросах могут, конечно, состояться после эвакуации. Правительство Сирии не намеревается вести переговоры по каким бы то ни было вопросам под давлением вооруженных сил, находящихся на ее территории. Правительство Сирии вынуждено об этом заявить, исходя из опыта недавнего прошлого, и оно боится, что такие случаи могут повториться.

Представитель Франции ссылаясь также вчера и сегодня на соглашение от 13 декабря, которое по его мнению находится в соответствии с Уставом. Я просмотрел весь Устав и не нашел ни одной статьи, которая могла бы быть применена к этому соглашению.

Что касается коллективной безопасности, за которую, по мнению г-на Бидо, Франция несет вместе с Соединенным Королевством некоторую ответственность, я должен заметить, что Устав содержит в себе положения о коллективной безопасности в переходный период, но эти положения о коллективной безопасности не могут быть приняты и осуществлены каким-либо из членов Организации иначе как в соответствии с условиями, изложенными в Уставе.

Обращаясь к статье 106 Устава мы видим, что в ней указан способ, каким может быть обеспечена коллективная безопасность, если в том встретится надобность. Статья 106 гласит:

«Впредь до вступления в силу таких упомянутых в статье 43 особых соглашений, какие, по мнению Совета Безопасности, дают ему возможность начать осуществление своих обязанностей согласно статье 42, участники Декларации четырех держав, подписанной в Москве 30 октября 1943 года, и Франция будут, в соответствии с положениями пункта 5 этой Декларации, консультироваться друг с другом и, в случае необходимости, с другими членами Организации с целью таких совместных действий от имени Организации, какие могут оказаться необходимыми для поддержания международного мира и безопасности».

Ясно, что если что-нибудь должно быть сделано до установления окончательного распорядка Советом Безопасности, то это должно быть сделано в соответствии со статьей 106. Я спрашиваю, совещались ли между собою государства, подписавшие данное соглашение? Запрашивали ли Франция и Соединенное Королевство мнение Соединенных Штатов? Запрашивали ли они Советский Союз? Китай? Совещались ли они с нами? Мы не только состоим членами Организации Объединенных Наций, но и заинтересованной стороной в настоящем вопросе. Они этого не сделали.

Из того, что я видел и слышал вчера и сегодня на заседании Совета, я вывел заключение, что из пяти великих держав четыре совершенно ясно высказали свое мнение в том смысле, что коллективная безопасность будет осуществляться не всеми пятью, а только двумя из этих держав.

По этой причине ясно, что англо-французское соглашение от 13 декабря 1945 года не находится в соответствии с Уставом, и на это обстоятельство я обращаю внимание Совета.

Далее, как мною было ранее сказано, мы не видим никаких затруднений в эвакуации, как о том было доложено Совету. Если французское

правительство видит какие-то трудности, то вопрос этот должен быть урегулирован с британским правительством, а не с нами, так как у нас нет затруднений и мы их не создаем. Эвакуация должна быть произведена.

Мы конечно не собираемся входить в переговоры по иным вопросам кроме вопроса об эвакуации, в котором заинтересованными сторонами являются, кроме нас, только Соединенное Королевство и Франция. Они должны озаботиться эвакуацией. Мы считаем, что их соглашение относительно эвакуации войск не соответствует положениям Устава. Это все, что я теперь хочу сказать.

Я надеюсь, что члены Совета Безопасности отнесутся справедливо к нам в этом вопросе, в том виде как он представлен Совету, независимо от их уверенности в том или другом. Уверенным можно быть в справедливости и праве — ни в чем другом. Коль скоро другие стороны заключили соглашение, не отвечающее положениям Устава, я не вижу, каким образом правительства Сирии и Ливана могут быть уверены в урегулировании вопроса, если оно предоставлено одним этим сторонам. Мы являемся тоже сторонами в этом деле и заявляем, что с нашей стороны нет никаких возражений против эвакуации и мы не создадим в связи с ней никаких затруднений.

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я буду очень краток, так как знаю, что Совет желал бы закрыть заседание. Много было сказано относительно доверия. Я не думаю, чтобы в данном случае было что-нибудь более важное чем доверие, которое заседающие здесь государства и все государства-члены Организации Объединенных Наций должны оказывать друг другу.

Я уже совершенно определенно заявил о том, что правительство Соединенных Штатов считает желание правительств Сирии и Ливана, чтобы были выведены в возможно краткий срок иностранные войска, находящиеся в настоящее время на их территории, вполне справедливым со стороны этих государств желанием. Весь вопрос заключается в методе или, я бы сказал, в технике этой эвакуации. Для этого требуется конечно соглашение и переговоры между сторонами.

Предложение г-на ван-Клеффенса я внимательно изучил и считаю, что оно содержит в себе много ценных данных для разрешения поставленного перед нами вопроса. Я хочу внести предложение, которое несколько видоизменит проект г-на ван-Клеффенса. Я надеюсь, что оно будет приемлемо для всех заинтересованных и выведет нас из затруднительного положения, в котором мы сейчас находимся. Я прочту то, что дал отпечатать для раздачи:

Совет Безопасности

принимает во внимание заявления, сделанные четырьмя сторонами и другими членами Совета,

выражает свою уверенность в том, что иностранные войска в Сирии и Ливане будут выведены при первой к тому возможности и что с этой целью стороны немедленно начнут переговоры, и

предлагает сторонам уведомить Совет о результатах этих переговоров.

Как мною уже было сказано, я считаю, что вопрос должен оставаться на повестке дня Совета Безопасности до тех пор, пока вопрос не будет разрешен в благоприятном смысле.

Г-н РИАЗ (Египет) (*говорит по-французски*): Мне кажется, что смысл сделанного мною на этом заседании предложения не всеми был правильно истолкован; в нем усмотрели оттенок некоторого порицания. Я хотел бы рассеять это впечатление. В моем проекте резолюции я был строго объективен.

Поскольку это меня касается, прения неизменно ограничивались толкованием Устава. У меня и в мыслях не было кого-либо порицать. Затем, если каждый раз как выявляется разногласие при толковании какого-либо текста, кто-нибудь заявит, что было выражено порицание, ибо кто-то другой позволил себе сказать, что он не согласен с вами в толковании этого текста, — то я не знаю, как избежать порицания при обсуждении любого вопроса, представленного на рассмотрение Совета. Что же касается меня, то я только что сказал, что я никого не порицаю. Внимательное ознакомление с представленным мною проектом покажет, что я лишь поддерживаю уже всеми признанные принципы. Все здесь признают, что в основе вопроса лежит принцип, содержащийся в статье Устава, которая говорит, что все государства-члены Организации абсолютнo равны в отношении своей суверенности.

Этот принцип признается всеми, и в моем предложении я говорю, что никто этого пункта не оспаривает, ни Ливан или Сирия, ни Великобритания или Франция. Где же порицание? Я не вижу порицания в повторении заявления, с которым все согласны, включая заинтересованные стороны.

Далее, в моем предложении я сказал точно то же, что только что сказал г-н Стеттиниус, которого я благодарю за то, что он этот пункт подтвердил. Что же теперь остается? Переговоры. Мое предложение предусматривает их необходимость, но не в вопросе принципа, с которым все согласны, а в отношении необходимых мер для достижения желаемого результата.

Я прошу г-на Бевина вспомнить то, что он говорил когда-то за этим столом: «Мы — великие державы; мы не виноваты в том, что у нас есть сила; вот почему я прошу, чтобы во внесенном на наше рассмотрение деле мы не допустили великую державу остаться одной с малым государством»¹²⁸.

Сегодня две великие державы стоят перед двумя очень маленькими государствами — прошу представителей Ливана и Сирии извинить меня за эти слова. Я спрашиваю себя, если точно разграничить область разногласия, так чтобы не выходить из ее границ и чтобы обсуждался только определенный вопрос, не будет ли текст резолюции более близок к мнению, к общему чувству Совета Безопасности?

Мы все согласны, мы все хотим выразить одно и то же. Но именно вследствие всего того, что было сегодня сказано одной из сторон, мы должны постараться ограничить прения так, как мы этого хотим. Вот почему я прошу г-на Стетти-

ниуса сказать мне, нет ли в конце моего предложения, но только с большей точностью, именно того же, что он хотел сказать.

А. Я. ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): На обсуждение Совета Безопасности предложено несколько проектов решения вопроса относительно вывода англо-французских войск из Сирии и Ливана. Начнем рассмотрение этих проектов с предложений г-на ван-Клеффенса. Кстати сказать, по существу проект резолюции, предложенный ван-Клеффенсом, ничем не отличается от проекта резолюции, предложенного Стеттиниусом. В конце концов, ни проект резолюции ван-Клеффенса, ни проект Стеттиниуса не говорят, к чему должны сводиться по существу те переговоры между правительствами Англии, Франции, Сирии и Ливана, о которых в своем проекте упоминают и ван-Клеффенс и Стеттиниус. Поэтому сущность вопроса — в чем должны заключаться предполагаемые переговоры между двумя сторонами — не раскрывается ни в проекте резолюции ван-Клеффенса, ни в проекте резолюции Стеттиниуса.

Я уже дважды ставил г-ну Бидо вопрос и не получил от него ответа о том, какие переговоры имеет в виду Бидо, внося свои предложения на обсуждение Совета Безопасности. Я спрашиваю г-на Бидо в третий раз. Г-н Бидо, а также г.г. Стеттиниус и ван-Клеффенс, скажите, какие переговоры вы имеете в виду. Вы хотите получить доверие Совета Безопасности. Мы хотели бы оказать вам это доверие. Вы говорите о необходимости согласованных решений. Но для того, чтобы достигнуть согласованных решений, надо знать, в чем, по вашему мнению, должны заключаться переговоры между, с одной стороны, правительствами Англии и Франции и, с другой стороны, правительствами Сирии и Ливана. Мы не можем принимать резолюцию, не зная этого, так как такой метод не соответствует достоинству Организации Объединенных Наций.

В проекте резолюции ван-Клеффенса и в проекте резолюции Стеттиниуса остается неизвестным то, что представляет собой существо всего вопроса о выводе англо-французских войск из Сирии и Ливана. Наоборот, в проекте резолюции, предложенном г-ном Риазом и поддерживаемом представителями Сирии и Ливана, дается ясный ответ на вопрос о характере переговоров. Иначе и нельзя. Кто хочет достигнуть справедливого и искреннего решения обсуждаемого здесь вопроса, тот должен знать, о каких переговорах должна идти речь.

Нельзя принимать также и вторую часть проектов резолюций Стеттиниуса и ван-Клеффенса, ибо пока неизвестно, в чем должны заключаться переговоры, нельзя выражать уверенность в успехе этих переговоров. Если тут имеются в виду переговоры о том, выводить ли или не выводить англо-французские войска из Сирии и Ливана, то это возвращает нас к известной памятной записке Франции от 18 мая 1945 г., о которой я говорил в своем первом выступлении и которую, как я повял сегодня из выступлений г-на Бидо, французская делегация поддерживает и в настоящее время. Если г-н Стеттиниус и г-н ван-Клеффенс имеют в виду такие переговоры, т. е. переговоры о том, выводить ли или не выводить англо-французские войска из Сирии и Ливана, то такая резолюция абсолютно неприемлема.

¹²⁸ См. стр. 30.

Надо внести в этот вопрос полную ясность. Если вы считаете, что суверенитет Сирии и Ливана ничего не стоит и с ним считаться не следует, тогда так и скажите. Совет Безопасности существует не для того, чтобы охранять спокойствие каждого члена Совета, он существует для того, чтобы охранять суверенные права всех объединенных наций, охранять их суверенитет от чьего бы то ни было посягательства, обеспечивать мир и безопасность народов. И нельзя допускать ни малейшего отступления Совета Безопасности от этих великих принципов, на которых зиждется вся Организация Объединенных Наций.

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) *(говорит по-английски)*: Я хотел бы сказать два слова до закрытия заседания. Г-н Вышинский заявляет, что нет основания для предложений, которые внесены были г-ном ван-

Клеффенсом и мною. Я позволю себе обратить внимание Совета на слова второго абзаца моего предложения:

«...что иностранные войска в Сирии и Ливане будут выведены при первой к тому возможности и что с этой целью стороны немедленно начнут переговоры...».

Я не могу себе представить более ясного, более точного определения цели, чем это выражено настоящими словами. Я позволю себе продолжить мои замечания по возобновлению заседания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-английски)*: Я полагаю, что Совет желает прервать заседание до более позднего часа. Предлагаю собраться опять в 5 ч. дня.

Заседание закрывается в 1 ч. 55 м. дня.